

Александр Дорощев

ВЫСТАВКА

Александр Дорофеев

Выставка. Повесть-альбом

«Издательские решения»

Дорофеев А.

Выставка. Повесть-альбом / А. Дорофеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837266-7

Кому-то Александр Дорофеев более известен как писатель, другим — как художник. В новой его книге то ли текст сопровождает картины, то ли наоборот — живопись иллюстрирует повествование. Так или иначе, повесть-альбом «Выставка» представляет собой совершенно цельное произведение, которое интересно и читать, и рассматривать...

ISBN 978-5-44-837266-7

© Дорофеев А.
© Издательские решения

Содержание

Старый свет	6
Новый	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Выставка Повесть-альбом

Александр Дорофеев

© Александр Дорофеев, 2024

ISBN 978-5-4483-7266-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Старый свет

Мой прадед – отец, или батюшка, Петр Раев – служил священником в деревне Луговатка, Тамбовского в те годы уезда. Сейчас и представить-то невозможно, но у него было шестнадцать детей. То есть, кроме родной бабушки, я имел множество двоюродных, включая дедушек.

Большинство жило в городе Воронеже. То ли это заслуга прадеда, то ли время вообще было такое, но все родственники любили друг друга, и семейство напоминало теплое, крепко свитое гнездо.

Удивительно, но упоминание о нем нашел я в интернете – в списке священников, отмеченных по случаю трехсотлетия дома Романовых. Отца Петра наградили наперсным крестом.

Однажды моя приятельница опрометчиво сообщила, что, по ее мнению, грехи мои уже заранее отмолены прадедом.

Ах, с такой-то индульгенцией в кармане невольно, право, согресишь...

Троице-Сергиева лавра

Когда я появился на свет Божий, папа-геолог проходил после университетскую практику на Полярном Урале. Получив известие о рождении сына, убежал подальше в тайгу и, радуясь, кричал в полный голос. Вероятно, представлял какое-то совсем чудесное создание, замечательное во всех отношениях, чему, видно, не слишком я соответствовал.

«Ну, не бандит, и то хорошо!» – говаривал папа впоследствии.

Наверное, и впрямь неплохо. Хотя теперь до конца не уверен.

К счастью, так получилось, что писатель и художник Юра Коваль с раннего отрочества наставлял меня на путь истинный, вкладывая в голову самые разнообразные познания.

Помню, как рассказывал наизусть – от Челюскинской до Тарасовки – Гулливера и обратно.

«О! – восклицал меж тем, пихая носом в пыльные прижелезнодорожные травы, – Тысячелистник! О! Иван-да-Марья!»

Господи, с тех самых пор как я люблю тысячелистник, Ивана-да-Марью...

Он же увлек и живописью.

В полутемной мастерской на Абельмановке так чудесно пахло маслом из помятых тюбиков. Юра замешивал в баночках колера, и я рисовал, чего в голову взбрело, – козла в огороде, метро «Красные ворота», вымышленные соборы со множеством куполов, яблоки, похожие на груши, и помидоры, которые терпеть не мог, однако, нарисовав, сразу полюбил.

Вспоминая пединститут, Коваль выставял гуманные оценки по двухбалльной шкале – пятерки и редко четверки.

Потом наступила пора этюдов на Яузской набережной.

Девиз – в любую погоду. Дождь ли, снег – неважно.

Серебрянический переулок рядом с Яузой

Вологодская деревня

А по весне Юра звал на «гору», в старую избу.

Как ожидал я этих поездок под Вологду в деревню Оденьево, что в пяти верстах от села Ферапонтово, где Рождественский собор, расписанный Дионисием.

И мы не только шук-окуней ловили да палили по вальдшнепам, но бывало и писали – пейзажи, рассказы. Так или иначе, а всегда с уловом...

Честно сказать, родился я в Китае времен династии Хань, то есть примерно в третьем веке до Рождества Христова.

К сожалению, родителей никак не припомню. Да и трудно сказать определенно, чем тогда занимался. Кажется, немного колдовал и знался с лисами. Кое-какие сведения об этом можно почерпнуть из рассказов Ляо Чжая о чудесах.

Скудость фактов вполне объяснима – все же двадцать три века миновало. Сейчас и представить себя не могу древним китайцем.

Совсем другое дело – сербом.

Тут и год рождения почти точен – между 1567-ым и 71-ым.

И всю жизнь лазил по лесам. Не по хвойным, не по лиственным, а по тем, что ставили в храмах для живописных работ – фрески писал. Ангелов, апостолов, святых и великомучеников. Особенно хорошо помню Тайную вечерю, да и архангел Гавриил из монастыря в Жиче – как живой перед глазами. Последняя была работа, поскольку, положив пробела на лик, оступись и рухнул с лесов-то. Об каменный, думаю, пол.

Не каждый богомаз так жизнь заканчивает. Очевидно, грешен был.

Поэтому вскоре и объявился в Москве в роддоме имени Клары – в четыре часа знойного дня начала августа. А вскоре был перевезен в дом на Большой Коммунистической.

Судя по всему это был старт на длинную дистанцию. В первые годы меня беспрестанно таскали по стране родители-геологи. Затем по инерции перемещался самостоятельно.

Побывал в Сербии, где что-то вроде бы мерещилось, как будто знакомое. А до Китая так покуда и не добрался, задержавшись в Монголии. Нередко подворачиваются ложные пути и как разобрать, который вообще-то истинный да праведный...

Александрова слобода

В середине семидесятых прошлого века проживал одно лето в надвратной церкви Успенского монастыря города Александрова.

Под окнами речка Серая – невзрачная до легкого испуга. Зато сам монастырь сверх меры исторический.

Обретаясь в нем, Иван Грозный учреждал опричнину. И первый русский «летун» смерд Никитка, прицепив от полной безысходности крылья, сиганул с шатровой монастырской колокольни. Не раз сиживал я именно на тех ступеньках, об которые в прах он расшибся.

Работал в Покровском соборе, реставрируя живопись 16-го века. В общем-то был еще подмастерьем у художников из Владимира.

В монастырских кельях проживали тогда отнюдь не монахи, а сосланные по разным причинам на сто первый километр.

И все же тишина и умиротворение – не то чтобы царили – но являли себя очевидно.

И вдохновенно было писать этюды в монастырском дворе, изображая среди прочего живописно развешанное по веревкам белье.

По мотивам рязанских зарисовок. Все эти пейзажи – реальные и вымышленные – написаны значительно позже, в Мексике

И этот придуман. Хотя в отечественных селениях есть схожие

На другой год те же художники пригласили меня во Владимир – реставрировать росписи Андрея Рублева в Успенском соборе.

Сам с трудом верю. Однако, что было, то было.

По винтовой узкой лестнице поднимался на крышу собора, откуда столь невероятный вид на Клязьму и окрестности, что так и хотелось уподобиться смерду Никитке. С более благополучным, конечно, исходом.

И ясно представлялось, как Рублев, воспаряя духом, стоял на этой же крыше.

А ночевали мы в Княгининском соборе, где размещалась тогда химическая лаборатория – прямо над мощами жены Александра Невского.

Условный Суздаль

Утреннее озеро. Скорее всего, Неро у Ростова Великого, где тоже работал во время московской Олимпиады восьмидесятого года. Помнится, и в Ростове царило уличное затишье. Но, в отличие от Москвы, оно распространялось на продовольственные магазины. Затруднений с выбором совсем не было. Все предельно просто – водка и консервы морской капусты. Такой потрясающий олимпийский набор

Реставрация, надо признать, тесно связана с покойниками. Ну, куда не денешься.

В Самарканде года три кряду укреплял мусульманские орнаментальные росписи мавзолея Туман-ака, что в некрополе Шах-и-Зинда.

Если сказать попросту, Шах-и-Зинда – аристократическое кладбище эпохи Тамерлана. Сам-то он захоронен ближе к центру города в мавзолее Гур-Эмир. А тут гробницы жен и прочих приближенных.

Эдакое поселение для антикварных усопших – из одной улицы и пары переулков, к которым жмутся и современные могилы. Так что работал прямо на кладбище. Даже спал, выпивал и закусывал. Без всяких опасений и задних мыслей.

Туман-ака, говорят, была любимой женой Тамерлана. С хромым Тимуром, известно, – шутки плохи. Вплоть до мировой войны.

Но случалось, надо признать, совсем забывались, и глупо, без должного почтения, неуместно шутили. Правда, с легкой душой. И Туман-ака, вероятно, понимала, что ничего дурного ей не желают. Только лишь загробного благополучия в обновленном интерьере.

Поэтому, думаю, и обошлось без возмездия.

Даже напротив, вскоре моя живопись каким-то совсем причудливым образом попала на первую выставку русских художников в датском городе Копенгагене.

В ту пору на Смоленской площади, близ МИДа, существовал загадочный «салон по экспорту».

Не помню, кто именно посоветовал отнести туда картины. У входа повстречал узнаваемого тогда Геса Холла, секретаря компартии США. Скромные мои пейзажи и натюрморты, один из них с чесноком, казались тут совершенно неуместными. Вряд ли на них польстится, Гес, к примеру, Холл.

Салон, впрочем, отнюдь не был выставочным. Множество картин покоилось у стен, по углам, показывая лишь оборотную сторону холстов.

Необычно приветливая девушка бегло оглядела мою живопись и тут же выписала накладные о приемке.

А через некоторое время я получил каталог выставки, где моя фамилия и натюрморт с чесноком значились среди чрезвычайно ныне славных – Ани Бирштейн, Андрея Волкова, Саши Петрова и других заслуженных теперь академиков.

В том каталоге, между прочим, привлекала и цена в датских кронах – что-то около четырех тысяч.

Казалось, это невероятно много, но удостовериться не удалось.

Датчане ровным счетом ничего не купили.

Да и была ли целью салона продажа картин, трудно сказать.

Возможно, его создали для более серьезных, стратегических задач. А картины – так, прикрытие.

Носатый кувшин

Впрочем, помимо побывавших в Дании холстов, я вынес оттуда кое-какие позитивные знания.

Расписываясь в «возвратном» документе, услышал беседу двух бравых джентльменов, чинно слонявшихся по салону.

На художников они мало походили. Может, искусствоведы. Или, скорее, секретари дружественных партий.

Однако рассуждали о живописи. С точки зрения психиатрии. В том смысле, что яркий колорит говорит о несомненном пьянстве автора, а тусклые, печальные тона – о душевных его болезнях.

Несколько потрясенный брел я по Садовому кольцу, все более сознавая, что живопись моя свидетельствует о двух пороках разом.

Уже на Зубовской площади мужественно выбрал одно из меньших, как тогда казалось, зол – держаться изо всех сил, во что бы то ни стало яркости.

Пусть будет губительно для внутренних органов, но – «не дай мне Бог сойти с ума».

Новый

Живопись-то живописью, а тридцати семи лет отроду, когда все порядочные писатели гибнут, вступил я в их Союз. К тому времен у меня было издано семь, кажется, книжек.

Занятия литературой окончательно вроде бы одолели живописные.

Служил я в славном журнале «Мурзилка», а этюды писал только во время отпусков – в Гурзуфе, Форосе, в Новом Свете...

Но как же все связано в этом мире! Произносишь слово, а оно тянет за собой неподвижную череду событий.

И году не прошло, как из крымского Нового Света угодил я в североамериканский.

Глубокой осенью девяносто первого отправился в Мексику на книжную ярмарку. Само по себе событие замечательное.

Нас поселили в отеле «Лиссабон» и кормили бесплатно в ресторане – только подписывай счет, который оплатит мексиканское министерство культуры. Контраст был силен – после московской осени и немецкой тушенки с макаронами.

Я разгуливал под пальмами, наслаждаясь ноябрьским летом, вулканами на горизонте и видами изобильных магазинов, когда ко мне подбежал экономический директор нашего издательства. Сразу было понятно – что-то случилось. Как говорится, из ряда вон. Может, и тут какой-нибудь путч, характерный для латинской Америки. Или нас выселяют из отеля за непомерные ресторанные счета?

«Пара кретинов, – отдышался директор, – Покупают картонку. За сто долларов!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.